

И. В. Ефименко

МУЖСКИЕ ИМЕНОВАНИЯ ЧЕРНИГОВЦЕВ И НОВГОРОДЦЕВ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XVII В.

The research is devoted to the male names of the native inhabitants of Chernigov and Novgorod regions fixed in the written monuments of XVII century. The author suggests comparative facets analyzing modes and means of the personal identification on these archaic East-Slavonic territories. This observation allows revealing both common East Slavic and specifically regional trends and principles of nomination in the identification system of Chernigov and Novgorod inhabitants.

Антропонимная система восточных славян дофамильного периода не была унифицирована и отличалась богатством способов и средств идентификации личности. Однако в XVII в. начинается постепенная стабилизация антропонимных именований, в частности отбор языковых вариантов и форм, впоследствии ставших общепринятыми. Все эти явления отражены в восточнославянских памятниках деловой письменности указанного периода, в которых наряду с традиционным книжным именованьем людей широко используются народно-разговорные формы, свойственные местным диалектам. Предложенный анализ мужских именований черниговцев и новгородцев осуществлен на базе двух опубликованных памятников деловой письменности: украинского – «Переписні книги 1666 року»¹ [ПК], охватывающего территорию давней Черниговщины, и русского – «Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов»² [НЗКК], представляющего территорию давней Новгородской земли.

¹ «Переписні книги 1666 року» содержат подворную перепись населения давней Черниговщины, преимущественно крестьян и мещан-ремесленников, подлежащих налогообложению.

² «Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов», составленные на протяжении 1591–1609 гг. (к анализу привлекался только материал XVII в.) в Новгороде и в новгородских пятинах, содержат перечень кабальных грамот с записями имен закабаленных крестьян и их хозяев.

Обе рассматриваемые территории интересны как с исторической, так и с языковой точек зрения, поскольку принадлежат к архаичным восточнославянским землям, имеющим важное значение для этногенеза славян. В прошлом Черниговщина и Новгородщина как территории проживания восточнославянских племен северян и ильменских славян, входивших в состав Киевской Руси, активно контактировали друг с другом [см.: ИМиС, 1972, 13]. После распада Киевского государства Черниговская и Новгородская земли развивались самостоятельно, время от времени оказываясь в сфере влияния различных этносов. При этом коренное население на обеих территориях всегда оставалось в господствующем положении. В исследуемый период Черниговщина и Новгородщина входили в состав одного общего централизованного государства – России.

Привлеченные к анализу памятники письменности являются ценным и надежным источником антропонимной информации, объективно отражающим принятую в XVII в. на каждой из исследуемых территорий систему именования личности. Для анализа отбирались антропонимы, принадлежащие равноправным группам населения, в частности кабальным холопам, бобылям, крестьянам, реже – мещанам и в единичных случаях – подьячим, дьякам, казакам.

Хотя антропонимный материал черниговских переписных и новгородских кабальных книг ранее привлекался к анализу [см.: Мирославская, 1955; Недилько, 1969; Худаш, 1977; Шевцова, 1978; Сенев, 1986], в сопоставительном аспекте антропонимные системы этих письменных источников не рассматривались. На наш взгляд, именно такой аспект исследования наиболее полезен, поскольку дает возможность установить как общеславянские тенденции и закономерности, так и национальную специфику в системе идентификации личности. Поэтому целью предложенной статьи является сравнительный анализ способов и средств именования жителей Черниговщины и Новгородщины в XVII в., позволяющий выявить особенности (в частности, общие и отличительные черты) используемых антропонимных формул.

Поскольку ядром любого антропонимного именования является личное имя, детальнее остановимся на этом классе антропонимов. В обоих исследуемых памятниках письменности заметно преобладают имена христианского происхождения. Причем их состав у черниговцев и новгородцев приблизительно одинаков. К наиболее распространенным относятся такие христианские имена, как: *Иван* [ПК] / *Иван* [НЗКК], *Василей* [ПК, НЗКК], *Яков* [ПК, НЗКК], *Григорей* [ПК, НЗКК], *Михайло* [ПК] / *Михаил* [НЗКК], *Федор* [ПК, НЗКК], *Петр* [ПК, НЗКК], *Андрей* [ПК, НЗКК], *Семен* [ПК, НЗКК]. Чаще употребляются народно-разговорные (или квалитативные) формы личных имен, ср., например, у черниговцев: *Васка*, *Гаврилко*, *Лучка*, *Максимко*, *Лукашка*, *Прошка*, *Оска*, *Харко*, *Мишка*, *Пронка*, *Савка*, *Тимошка*, *Андрюшка*, *Сенка*, *Зенко*, *Оска*, *Радионко*; у новгородцев: *Гришка*, *Остапко*, *Савка*, *Ортемко*, *Сенька*, *Дениско*, *Кондратко*, *Ондрейко*, *Сергийко*, *Васька*, *Тараско*. Как видно из приведенных иллюстраций, квалитативные формы христианских имен, отмеченные в обоих источниках, образовывались преимущественно с помощью суффиксов *-к-о/-к-а*. Однако у новгородцев изредка наблюдаются словообразовательные типы, нехарактерные для черниговцев, в частности

на *-уш-а/-юш-а* – *Сергуша* [НЗКК, 182], *Петруша* [НЗКК, 185], *Ондрюша* [НЗКК, 319]; *-ик* – *Изотик* [НЗКК, 28], *Поликартик* [НЗКК, 239]; *-аш* – *Кондраш* [НЗКК, 310]; *-уг-а/-юг-а* – *Ортюга* [НЗКК, 48]; *-уж/-юк* – *Васюк* [НЗКК, 147]; *-уш* – *Якуш* [НЗКК, 23]; *-ец* – *Ортемец* [НЗКК, 63]; *-ах-а/-ох-а* – *Олексаха* [НЗКК, 148], *Тимоха* [НЗКК, 340]; *-ех* – *Демех* [НЗКК, 317].

В XVII в. у населения Черниговщины еще продолжают функционировать исконные (автохтонные) славянские имена, хотя по количеству они значительно уступают христианским, ср., например: 1) отапеллятивные имена: *Мальй* [ПК, 197], *Грек* [ПК, 6], *Острын* [ПК, 60], *Осмак* [ПК, 110], *Мальш* [ПК, 125], *Угрим* [ПК, 139], *Палешук* [ПК, 277], *Куцьй* [ПК, 283], *Жданко* [ПК, 310], *Мерзлик* [ПК, 358], *Хвалеико* [ПК, 362]; 2) композитные и откомполитные имена: *Богдан* [ПК, 144], *Бориско* [ПК, 349].

В новгородском памятнике, как отмечала еще А. Н. Мирославская, в употреблении христианских и славянских имен прослеживается социальная дифференциация, при которой автохтонными славянскими именами называются в основном закабалители (т. е. представители высших слоев общества), в то время как кабальные холопы носят христианские имена [см.: Мирославская, 1955, 8]. Хотя в единичных случаях у представителей низших слоев общества фиксируются имена славянского происхождения, в частности отапеллятивные – *Жданко* [НЗКК, 331], *Китко* [НЗКК, 245], а также композитные и откомполитные – *Володимер* [НЗКК, 8], *Борис* [НЗКК, 137]. Однако чаще всего исконные славянские имена у новгородских кабальных холопов употребляются в функции прозвищ в составе двух- и трехчленных именовании (см. ниже).

Следует заметить, что в славянском именнике черниговцев и новгородцев прослеживаются два имени – *Ждан(ко)* и *Борис*, одинаково популярные на обеих территориях.

Особенностью функционирования личных имен (христианского и славянского происхождения) в новгородских кабальных книгах было употребление имени одного и того же лица в разных формах – полной и качественной. В неофициальной части записи употребляется народно-разговорная форма имени, а в долговой записке, требующей точного определения личности, – полная форма.

Личные имена в исследуемых письменных памятниках сопровождаются другими, дополнительными антропонимными единицами – патронимами (матронимами), прозвищами, фамильными прозваниями³, составляя таким образом антропонимную формулу. Антропоформулы черниговцев и новгородцев, представленные в исследуемых документах, по количеству компонентов преимущественно однотипные. Как правило, это двух- и трехчленные именовании, причем их соотношенность в обоих памятниках приблизительно одинаковая: половина – двухкомпонентные, немного

³ Под термином *фамильные прозвания* подразумеваем антропонимы, обозначающие (объединяющие) членов одной семьи, т. е. так называемые переходные (факультативные) антропонимные единицы между индивидуальными прозвищами и фамилиями в современном понимании.

меньше половины – трехкомпонентные. Значительно реже употребляются одночленные и многочленные антропонимные модели.

Известно, что самым давним способом именованя человека в письменных источниках был *о д н о к о м п о н е н т н ы й*. Хотя для XVII в. идентификация личности с помощью одного антропонима уже не совсем типична, тем не менее в обоих анализируемых памятниках еще прослеживаются однокомпонентные именованя. В новгородских кабалных книгах такие именованя достаточно редки. Они представляют собой качественную форму христианского личного имени и употребляются, например, для называня детей закабаленных крестьян, ср.: *Митрофанко* [НЗКК, 1], *Сенька* [НЗКК, 8], *Савка* [НЗКК, 11], *Зеновка* [НЗКК, 2], *Потатко*, *Томило* [НЗКК, 3], а также при повторном именовании заимщиков, ср.: *Васька*, *Кондраш* [НЗКК, 310], *Иванко* [НЗКК, 307], *Степанко* [НЗКК, 309] и др.⁴

В черниговских переписных книгах одночленные именованя засвидетельствованы чаще и представлены разными классами антропонимов, например: христианским личным именем – *Михайла* [ПК, 154], *Сафрон* [ПК, 153], *Яков* [ПК, 156], *Ефрем* [ПК, 155]; патронимом на *-енк-о* – *Карпенко* [ПК, 274], *Дехтяренко* [ПК, 227], *Ещенко* [ПК, 227], *Симоненко* [ПК, 227]; оттопонимным определением на *-ск-ий*: *Каменский* [ПК, 254]. Наиболее многочисленны у черниговцев одночленные именованя в функции прозвища⁵, ср., например: *Бузовица* [ПК, 274], *Чижак*, *Козоръз*, *Дейнек*, *Добрик*, *Отрошко* [ПК, 261], *Шкребиля* [ПК, 259], *Журавель*, *Муха*, *Дубас* [ПК, 230], *Бревус*, *Радечко* [ПК, 229], *Носач* [ПК, 214].

Такая количественная соотношенность одночленных именований с явным преобладанием их у черниговцев объясняется, на наш взгляд, разным характером исследуемых документов и их предназначением. Очевидно, для новгородских кабалных книг требовалась более точная идентификация личности по установленному правительством образцу [см.: Мирославская, 1955, 6], в то время как переписные книги черниговцев преимущественно отражали народно-разговорную традицию именованя местного населения.

Как известно, количество компонентов антропонимных формул у славян возросло вследствие нескольких причин: во-первых, демографических факторов; во-вторых, усложнения социальной структуры государства, требовавшего более точной идентификации своих граждан, и, в-третьих, христианизации именника восточных славян [см.: Медвідь-Пахомова, 1999, 108–109, 133]. Все это, безусловно, не могло не отразиться на антропонимных системах черниговцев и новгородцев XVII в. Поэтому в обоих памятниках письменности в исследуемый период наиболее распространены *д в у х к о м п о н е н т н ы е* антропонимные формулы.

⁴ Выше, на той же странице, обязательно приводится полная (как правило двухкомпонентная) формула их именованя.

⁵ Из-за того, что у большинства украинских именований отсутствует элемент притяжательности (в отличие от аналогичных русских именований), не всегда можно точно установить, к какому классу антропонимов принадлежит то или иное одночленное наименование: к автохтонному славянскому имени отапельлятивного происхождения, прозвищу или фамильному прозванию.

Так, в черниговских переписных книгах засвидетельствовано пять типов двучленных именовании. Самой активной была антропонимная модель, состоящая из личного имени и патронима, образованного с помощью разных суффиксов: **-ов/-ев, -ин**: *Гордѣй Фирсов, Федор Юрьев* [ПК, 7], *Стецко Кузмин* [ПК, 13], *Сенка Суботов* [ПК, 435], *Якимка Савин* [ПК, 406], *Евтифейка Калинин* [ПК, 36]; **-енк-о**: *Яков Калченко* [ПК, 7], *Федор Омелченко* [ПК, 9], *Конон Михенко* [ПК, 8], *Данилко Деценко* [ПК, 356]; **-ов-ич/-ев-ич**: *Петр Шипкович* [ПК, 18], *Семен Маркевич* [ПК, 20], *Алексей Величкович* [ПК, 157], *Афанасий Гудевич* [ПК, 161]; **-онок/-енок**: *Фетка Шеповаленок* [ПК, 328], *Федка Балутенок* [ПК, 210], *Фома Литовченко* [ПК, 217]; **-еня**: *Марко Сороченя* [ПК, 350].

На втором месте по частоте употребления в черниговском документе была двухкомпонентная антропонимная модель – личное имя + прозвище: *Ивашко Скрипко* [ПК, 385], *Иван Щербина* [ПК, 6], *Сидорко Рубан* [ПК, 355], *Ивашко прозвище Браг* [ПК, 36].

Реже фиксируются антропонимные модели, состоящие из следующих компонентов (приводятся с учетом их активности):

– личное имя и отгонимное определение: на **-ск-ий/-цк-ий** – *Осипка Коренский* [ПК, 20], *Лукия Рабыцкий* [ПК, 22], *Савелей Митченский* [ПК, 46], *Яков Парадовской* [ПК, 67], *Денис Зарецкий* [ПК, 152], *Иван Полонский* [ПК, 157], *Иван Хмельницкий* [ПК, 107]; на **-ец** – *Данила Коломыец* [ПК, 20], *Антон Борыщовец* [ПК, 52];

– личное имя и матроним: *Родка Вдовин* [ПК, 374], *Вахулко Одарчин* [ПК, 399], *Ромашка Гончаришин* [ПК, 428], *Тишко Левчишин* [ПК, 413]. Очевидно, именованья с помощью деривата от имени или прозвища матери возникали в тех случаях, когда женщина-вдова возглавляла семью⁶;

– личное имя и посессив на **-ого/-его**, указывающий на принадлежность именованного: *Федка Безпалчего* [ПК, 241], *Юска Кукубног* [ПК, 383], с инверсионным размещением компонентов – *Тоцкого Фетка* [ПК, 367], *Ивашка Оползлого зять* [ПК, 221], *Лукия Рудого приятель*⁷ [ПК, 230].

В новгородских кабальных книгах двухкомпонентная модель именованья менее разнообразна по своему составу. В XVII в. у жителей Новгородчины фиксируется всего два типа двухкомпонентных антропонимных формул. Наиболее распространенными были именованья, образованные по модели «личное имя + патроним на **-ов/-ев, -ин**»: *Иван Наумов сын* [НЗКК, 3], *Якуш Васильев сын* [НЗКК, 2], *Григорий Гаврилов сын* [НЗКК, 1], *Юрья Кузьмин сын* [НЗКК, 83], *Фома Данилов сын* [НЗКК, 130]; *Федот Остафьев сын* [НЗКК, 56]; *Бориско Лутьянов сын* [НЗКК, 12]. В единичных случаях патроним может быть синтаксически не согласован с личным именем и иметь форму посессива на **-его/-ого**: *Лазарь*

⁶ В переписных книгах засвидетельствованы факты, когда матроним образовывается не только от имени матери, но и от имени любой другой женщины – главы семейства, ср., например: *Леско Кравчишин мужик* [ПК, 257], *Сенка Снѣчишин зять* [ПК, 264].

⁷ Очевидно, в других случаях апеллатив, указывающий на принадлежность именуемого, опущен.

Пятого сын [НЗКК, 87]. В отличие от украинских именовании этого типа, в новгородском памятнике посессив на *-его/-ого* указывает исключительно на принадлежность отцу.

Реже фиксируются двухкомпонентные антропонимные формулы, в составе которых – личное имя и прозвище, например: *Якимко* прозвище *Бакака* [НЗКК, 315]; *Ондрейко* прозвище *Третьяк* [НЗКК, 305]; *Ефимко* прозвище *Первушка* [НЗКК, 288]; *Гаврилко* прозвище *Третьячко* [НЗКК, 154]; *Васька* прозвище *Томилко* [НЗКК, 158]; *Патрейко* прозвище *Друганок* [НЗКК, 308]. Приведенные примеры, на наш взгляд, фактически демонстрируют скрытую двуименность, заключающуюся в параллельном функционировании христианских и славянских имен у представителей низших слоев местного населения. При этом славянское имя как второй компонент антропонимной формулы постепенно начинает выполнять функцию прозвища.

Интересно отметить, что в качестве прозвищ у новгородцев используются также христианские личные имена, например: *Офоня*, прозвище *Фока*; *Михейко*, прозвище *Мишка* [НЗКК, 311]. Какие-нибудь объяснения этому явлению дать сложно, возможно, под прозвищем подразумевается имя отца.

В черниговском памятнике выявлены отдельные специфические способы идентификации лица, не свойственные новгородскому письменному источнику. Речь идет прежде всего об именовании не по отцу, а по ближайшему родственнику. Такие именовании демонстрируют степень родства или зависимости человека от главы семьи. Преимущественно они двучленные и состоят из личного имени и посессива от собственного имени главы семьи, которым мог быть, например, тесть – *Степан Петерков зять* [ПК, 241], *Тимошка Сычов зять* [ПК, 216], *Федка Залеского зять* [ПК, 304], или брат – *Яцков Косинского брат* [ПК, 256], *Левка Петров брат* [ПК, 263], *Грицко Котляков брат* [ПК, 268]. Такой способ идентификации появился, очевидно, когда именованный проживал в доме своего родственника, например брата, или в семье жены, т. е. у своего тестя. Иногда антропонимные именовании черниговцев могут указывать на зависимость крестьянина от хозяина (например, *Исаев работник* [ПК, 296]) или знакомого, приятеля (например, *Лукьян Рудого приятель* [ПК, 230]). К отличительным способам идентификации черниговцев относятся также матронимические именовании (см. выше).

В черниговских переписных книгах наблюдаются отдельные описательные именовании, в которых вместе с личным именем употреблено существительное-топоним в форме родительного падежа с предлогом *с*: *Самошка из Игуменщины* [ПК, 387], *Ермолко с Полеся* [ПК, 381], *Павлик с Копичь* [ПК, 381], *Агейко з Горбова* [ПК, 424].

В качестве второго компонента двучленной антропонимной формулы у черниговцев может выступать личное имя или прозвище соседа в родительном падеже с прилагательным *подле*, ср., например: *Климко Орондар* и *Климко подле Рондара* [ПК, 400]. Указанные примеры идентификации жителей Черниговщины представляют, разумеется, неофициальные типы именовании личности, употреблявшиеся в неофициальной сфере коммуникации XVII в. и принадлежавшие к многочисленному слою народных именовании.

На втором месте по количеству фиксаций в обоих анализированных памятниках были трехчленные именованья, используемые для более точной идентификации личности в тех случаях, когда ее определение двучленным способом по каким-либо причинам было недостаточным [см.: Медвідь-Пахомова, 1999, 146].

В черниговских переписных книгах наблюдаются три основных типа таких именованья. Самой распространенной была трехкомпонентная антропонимная формула «личное имя + патроним + патроним», ср.: *Василей Васильев сын Исаев; Павел Иванов Волошенин* [ПК, 205]; *Степан Алексеев сын Струненко* [ПК, 212]; *Савка Милченко Гриценко* [ПК, 246]. Предполагаем, что третий компонент этой антропонимной формулы, а именно, патронимы *Исаев, Волошенин, Струненко, Гриценко* в исследуемый период могли уже выполнять функцию фамильного прозвания.

Реже в черниговском памятнике фиксируются именованья, состоящие из личного имени, патронима и прозвища, ср.: *Семен Андреев* прозвище *Сом* [ПК, 120]; *Яким Кондратов* прозвище *Север* [ПК, 139]; *Матвей Клименко* прозвище *Щербина* [ПК, 31]; *Лучка Елфимов* прозвище *Гречка* [ПК, 211]; с инверсионным порядком компонентов: *Левонко Красной Москаленко* [ПК, 408], *Левка Колесник Дьдушков* [ПК, 326], *Устинко Нос Олхович* [ПК, 348].

В единичных случаях фиксируется антропонимная формула «личное имя + патроним + оттопонимное определение», например: *Максимко Гаврилов Полторацкий* [ПК, 211].

В новгородских кабалных книгах трехчленные именованья представлены двумя антропонимными моделями:

– личное имя + патроним + патроним: *Фетко Микифоров сын Огарышов* [НЗКК, 262]; *Гарасимко Федоров сын Усов* [НЗКК, 280]; *Евтийко Мокиев сын Попков* [НЗКК, 281]; *Ортемий Офонасьев сын Латышев* [НЗКК, 76]; *Ивашко Первого сын Самухина* [НЗКК, 142]; *Иванко Иванов сын Лешега* [НЗКК, 335]; *Мишка Нечаев сын Бронницкого* [НЗКК, 291]; *Сергий Филипов сын Сухово* [НЗКК, 227]; *Захарья Терентьев сын Човакова* [НЗКК, 201].

– личное имя + патроним + прозвище: *Фетко Савельев сын* прозвище *Бруно* [НЗКК, 256]; *Матюша Тимофеев сын* прозвище *Сухой* [НЗКК, 251]; *Ларивон Иванов сын Колачник* [НЗКК, 163]; с инверсионным порядком компонентов: *Васька* прозвище *Белко Мосеев сын* [НЗКК, 75]; *Парфенко*, а прозвище *Первушка, Никитин сын* [НЗКК, 118].

На наш взгляд, в отдельных случаях в новгородском документе прозвищем могло быть названо фамильное прозвание, поскольку оно непосредственно относится не к именуемому, а к его отцу, ср.: *Никитка Иванов сын*, прозвище отцу *Томила* [НЗКК, 13], *Иванко Евлампиев сын*, прозвище отцу *Копос* [НЗКК, 54]. В трехкомпонентных именованьях новгородцев патроним на *-ов/-ев, -ин*, названный прозвищем, также может исполнять функцию фамильного прозвания, ср., например: *Онанья Юрьев сын*, прозвище *Нечаев* [НЗКК, 334]; *Федор Самсонов сын*, а прозвище *Мошников* [НЗКК, 124]. В антропонимной формуле *Омельян Гарасимов сын*, прозвище *Холошин-Истомин* [НЗКК, 281] в качестве прозвища использовано двойное фамильное прозвание, образованное путем сложения двух родовых ветвей.

Проанализированные трехчленные антропонимные формулы черниговцев и новгородцев по своему составу практически идентичны. Различия наблюдаются лишь в формально-грамматических особенностях их компонентов.

В обоих анализированных источниках изредка встречаются четырехчленные антропонимные формулы, состоящие из личного имени и трехсловной группы именованья по отцу, ср., в частности: у черниговцев – *Пахомко Иванов сын Кузмин Хотков* [ПК, 353]; *Прошка Онтонов сын Кий Дубовой* [ПК, 412]; *Иван Захарченко Нагорной Скрипка* [ПК, 208]; у новгородцев – *Кирилко Васильев сын Мигачова* прозвище *Сухой* [НЗКК, 261]; *Мишюк Нечаев сын Бронницкого*, а прозвище *Чекотуха* [НЗКК, 291]; *Маковейко Петров сын Дылского*, а прозвище *Томилко* [НЗКК, 113]; *Лаврентей Микитин сын Батюшков*, а прозвище *Третьяк* [НЗКК, 263].

Следует заметить, что в XVII в. на обеих исследуемых территориях наблюдается функционирование фамильных прозваний. Как правило, они являются последними компонентами трехчленных и многочленных антропонимных формул. О постепенном становлении этого класса антропонимных единиц свидетельствуют отдельные факты, отмеченные в памятниках письменности. В частности, в черниговских переписных книгах зафиксировано самостоятельное употребление фамильных прозваний во множественном числе, указывающих на семейное родство, ср., например, патроним *Лукашенки* [ПК, 358], прозвище *Мазуни* [ПК, 261]. В антропонимной формуле *Роман да Павел Коломийченки* [ПК, 296] патроним *Коломийченки*, без сомнения, является фамильным прозванием, поскольку объединяет членов одной семьи.

Примеры, в которых компонент антропонимной формулы объединяет родственников, т. е. выступает в функции фамильного прозвания, фиксируются и в новгородском памятнике, ср., например: *Гриша да Фомка Ивановы дети Поповы* [НЗКК, 20], где *Поповы* – фамильное прозвание; *Микита да Дементий Темофеевы дети Тинякова* [НЗКК, 101], где *Тинякова* – фамильное прозвание.

Приведенные иллюстрации позволяют констатировать, что и у черниговцев, и у новгородцев в XVII в. продолжают закладываться основы для будущего образования фамилий.

Изучение отдельных компонентов антропонимной формулы, по мнению исследователей, дает возможность затронуть культурологический аспект антропонимики [см.: Чайкина, 2004, 37]. Особую ценность в этом плане имеют отапеллятивные производные. Так, отапеллятивные именованья черниговцев и новгородцев, указывающие на род занятия или профессию, позволяют выявить распространенные у них в XVII в. промыслы и ремесла. Именованья, в составе которых прослеживаются названия ремесла, в черниговских переписных книгах весьма многочисленны, например: *Шаповал* [ПК, 230] (ср. укр. *шаповал* ‘1) шерстобой, войлочник; 2) шапочник, делающий войлочные шапки’ [Гринченко, 4, 485]); *Козорез* [ПК, 261]; *Шабелник* [ПК, 352] (ср. ст.-укр. *шабелникъ* ‘сабельный мастер’ [Тимченко, 2, 487]); *Ткач* [ПК, 154]; *Тесля* [ПК, 174] (ср. укр. *тєсля* ‘плотник’ [Гринченко, 4, 259]); *Воскобойник* [ПК, 174]; *Кушнер* [ПК, 107]; *Рыбник* [ПК, 145]; *Шкурочник* [ПК, 174];

Бондар [ПК, 411]; *Резник* [ПК, 159]; *Швец* [ПК, 189]; *Винник* [ПК, 162]; *Тертычник* [ПК, 7] (ср. укр. *тертічник* ‘пильщик досок’ [Грінченко, 4, 258]); *Шапочник* [ПК, 205]; *Дехтяр* [ПК, 206]; *Колачник* [ПК, 400]; *Бердник* [ПК, 261]. В то же время в новгородском памятнике письменности антропонимы, образованные от названия рода деятельности (или ремесла), встречаются значительно реже, ср., например: *Колачник* [НЗКК, 163], *Плотников* [НЗКК, 103], *Гусельников* [НЗКК, 31], *Овчинник* [НЗКК, 132]. Как показывают приведенные примеры, на обеих территориях в исследуемых источниках засвидетельствованы одинаково распространенные ремесла *плотник* и *колачник*.

Оттапеллятивные именованья позволяют проследить особенности психологии и мировосприятия жителей Черниговщины и Новгородчины XVII в. В частности, зафиксированные в переписных книгах антропонимы свидетельствуют о том, что при идентификации черниговцев большое внимание уделялось их внешнему виду, ср., например: *Косой* [ПК, 156]; *Чепурной* [ПК, 110] (ср. укр. *чепурний* ‘аккуратный, чистый, опрятный, красивый’ [Грінченко, 4, 452]); *Носач* [ПК, 145]; *Старый* [ПК, 135]; *Горбач* [ПК, 91]; *Горбатый* [ПК, 183]; *Белоусенко* [ПК, 185]; *Красноносый* [ПК, 239]; *Ус* [ПК, 188]; *Рябой* [ПК, 261]; *Безпалчей* [ПК, 145]; *Щербина* [ПК, 205]; *Седый* [ПК, 160]; *Безрука* [ПК, 343]; *Губар* [ПК, 168]; *Безпятко* [ПК, 145]; *Круглик* [ПК, 299]; *Стрункой* [ПК, 229] (ср. укр. *стрункий* ‘стройный’ [ЕСУМ, 5, 453]); *Рыжик* [ПК, 285]; *Товсты* [ПК, 227]; *Малей* [ПК, 426]. Прозвищные именованья, обозначающие черты характера, темперамент, особенности поведения, у черниговцев фиксируются значительно реже, ср., например: *Лихий* [ПК, 140]; *Мирный* [ПК, 159, 352]; *Сердитко* [ПК, 261]; *Крикун* [ПК, 223]; *Тутца* [ПК, 213]; *Рева* [ПК, 274]; *Дурко* [ПК, 265]; *Журил* [ПК, 411] (ср. укр. *жури́тися* ‘печалиться, грустить, сокрушаться’ [Грінченко, 1, 493]); *Плакса* [ПК, 256].

В новгородских кабальных книгах антропонимы, характеризующие человека, распространены меньше. Ср., например, прозвания, связанные с особенностями характера, поведения, психического состояния: *Суетин* [НЗКК, 214]; *Негодяев* [НЗКК, 96]; *Трусов* [НЗКК, 336]; *Нехороший* [НЗКК, 273]; *Истомин* [НЗКК, 90] (ср. рус. диал. *истóма* ‘истомленный, изнуренный человек’ [СРНГ, 12, 258]); *Немирко* [НЗКК, 224]; *Замятня* [НЗКК, 229]; *Лодыгов* [НЗКК, 1] (ср. рус. диал. *лодыга* ‘лодырь’, ‘лжец, обманщик’ [СРНГ, 17, 106]); *Паршаков* [НЗКК, 210] (ср. рус. диал. *паршáк* ‘о слабосильном человеке’ [СРНГ, 25, 249]); *Шалгач* [НЗКК, 34] (< **Салгач*, ср. блр. *саўгач* ‘тот, кто совадается, двигается’ [Бірыла, 1969, 367]) – или с характерными внешними признаками: *Белоус* [НЗКК, 306]; *Мальшев* [НЗКК, 36]; *Беляев* [НЗКК, 212]; *Усов* [НЗКК, 280]; *Плешков* [НЗКК, 259]; *Шеворногов* [НЗКК, 153] (ср. рус. диал. *шеварно́гий* ‘такой, кто плохо ходит, ковыляет при ходьбе’ [НОС, 12, 86]); *Голованов* [НЗКК, 241]; *Носков* [НЗКК, 233]; *Гольши* [НЗКК, 207]; *Кудров* [НЗКК, 313]; *Чернеев* [НЗКК, 313].

Благодатным материалом, позволяющим наблюдать направления миграционных процессов, которые происходили на исследуемых землях, являются антропонимы, образованные от этнонимов, ср., например, на Черниговщине: *Волошин* [ПК, 205] (ср. укр. *волóшин* ‘румын’ [Грінченко, 1, 252]); *Ляшок* [ПК, 58] (ср. укр.

ляшóк ‘поляк; молодой поляк’ [ЕСУМ, 3, 343]); *Калмык* [ПК, 112]; *Москаль* [ПК, 144]; *Литвин* [ПК, 19]; *Поляк* [ПК, 234]; *Литовка* [ПК, 215]; *Мазур* [ПК, 267] (ср. укр. *ма́зур* ‘поляк из Мазурии’ [Грінченко, 2, 397]); на Новгородщине – *Латышев* [НЗКК, 76].

О населении, которое прибыло с других восточнославянских территорий, свидетельствуют также зафиксированные в составе антропонимных формул черниговцев и новгородцев оттопонимные производные, например:

– в черниговских переписных книгах: *Туровец* [ПК, 205] (ср. нп *Турово* в России и Белоруссии); *Могилевец* [ПК, 251] (ср. нп *Могилев* в Белоруссии); *Слуцкий* [ПК, 254] (ср. нп *Слуцк* в России и Белоруссии); *Минский* [ПК, 394] (ср. нп *Минск* в Белоруссии); *Хмельницкий* [ПК, 107] (ср. нп *Хмельник* на Подолье); *Борышовец* [ПК, 52] (ср. нп *Барышево* в России); *Коломыец* [ПК, 207] (ср. нп *Коломыя* в Галичине); *Батуринец* [ПК, 80] (ср. нп *Батурин* на Полтавщине); *Чернобылец* [ПК, 348] (ср. нп *Чернобыль* на Киевщине);

– в новгородских кабальных книгах: *Бронницкий* [НЗКК, 291] (ср. нп *Бронница* в Белоруссии); *Деревецкий* [НЗКК, 103] (ср. нп *Деревец* в Белоруссии); *Дыльский* [НЗКК, 113] (ср. нп *Дыли* в Белоруссии).

Как видно из приведенных примеров, у жителей Черниговщины оттопонимный компонент формировался с помощью двух суффиксов – субстантивного *-ец* и адъективного *-ск-ий*, тогда как у населения Новгородской земли – с помощью одного адъективного суффикса *-ск-ий*. Заметим, что в исследуемый период у новгородцев оттопонимный компонент в именовании был привилегией преимущественно высших и средних слоев общества, поэтому у кабальных холопов он встречается крайне редко.

Сравнительный анализ мужских именовании черниговцев и новгородцев в памятниках письменности XVII в. дает возможность констатировать следующее: единая антропонимная формула у восточных славян в данный период отсутствует. Это говорит о том, что в XVII в. именовании мужчин на исследуемых территориях еще не были унифицированы. Однако в восточнославянской антропонимной системе этого периода наметилась общая тенденция к активному употреблению двучленных антропонимных формул, которые были наиболее распространенными и устоявшимися как у украинцев, так и у россиян, в то время как одночленные и многочленные модели именовании встречаются значительно реже.

По своему составу рассмотренные мужские именовании черниговцев и новгородцев подобны. Основной компонент их антропонимных формул – это личное имя, как правило, в качественной форме. К личному имени присоединялись другие компоненты, чаще всего патроним или прозвище. В отличие от русского документа, украинский источник характеризуется более разнообразными способами идентификации личности. Речь идет об именовании с помощью матронима, оттопонимного определения, посессива от имени главы семьи.

Наиболее употребительной и у черниговцев, и у новгородцев была двучленная антропонимная формула, образованная по модели «личное имя + патроним». Ак-

тивность и популярность патронимических именований на обеих территориях объясняется не только определяющей ролью отца в восточнославянской семье, но и тем, что именно патронимы позволяют установить принадлежность человека к определенной семье в диахронии, воссоздавая кровно-семейную цепочку на уровне двух-компонентной антропонимной формулы [см.: Медвідь-Пахомова, 1999, 142].

Национальная же специфика патронимических именований черниговцев и новгородцев проявляется в средствах выражения патронимичности. В украинском источнике эти средства достаточно разнообразны, в частности патронимические суффиксы *-ов/-ев*, *-ин*, *-енк-о*, *-ов-ич/-ев-ич*, *-онок/-енок*, *-еня*, тогда как в русском документе отмечены всего две патронимические модели – на *-ов/-ев*, *-ин* и *-ого/-его*.

Таким образом, несмотря на безусловную связь между восточнославянскими именованиями и общие тенденции в их развитии, каждый народ имел свои особенности в идентификации личности.

Предложенные выводы относятся лишь к конкретным памятникам письменности, для каких-либо более широких обобщений необходим анализ значительно большего массива восточнославянских исторических источников. Вместе с тем осуществленное исследование позволяет расширить научные представления об именованиях восточных славян и побуждает к дальнейшим сравнительным студиям на общеславянском языковом фоне.

-
- Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія: Прозвішчы, утвораныя ад апеятыўнай лексікі. Мінск, 1969.
- Грінченко – Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Д. Грінченко. Київ, 1907–1909. Т. 1–4.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови / За ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2006. Т. 1–5.
- ІМіС – Історія міст і сіл Української РСР. Чернігівська область / Гол. ред. П. Т. Тронько. Київ, 1972.
- Медвідь-Пахомова С. М.* Еволюція антропонімних формул у слов'янських мовах. Ужгород, 1999.
- Мирославская А. Н.* Собственные имена в «Новгородских записных кабальных книгах 100–104 и 111 годов»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
- Недилько О. Д.* Антропонимия Северной части Левобережной Украины (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Київ, 1969.
- НЗКК – Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.) / Под ред. проф. А. И. Яковлева. М.; Л., 1938.
- НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12; Великий Новгород, 2000. Вып. 13.
- ПК – Переписні книги 1666 р. / Пригот. до друку і зред. В. О. Романовський. Київ, 1933.
- Сенив М. И.* Украинская антропонимия XIV–XVIII вв. (женские именования): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ужгород, 1986.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л.; С.-Петербург, 1966–... . Вып. 1–... .

- Тимченко Є.* Матеріали до Словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. / Підг. до вид. В. В. Німчук та Г. І. Лиса. Київ; Нью-Йорк, 2002–2003. Кн. 1–2.
- Худаш М. Л.* З історії української антропонімії. Київ, 1977.
- Чайкина Ю. И.* Именования мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII в. // Вопр. ономастики. 2004. № 1. С. 33–39.
- Шевцова В. А.* Антропонимия Среднеднепровского Левобережья Украины (на материале среднеднепровских левобережных памятников второй половины XVII – первой половины XVIII в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Київ, 1978.

* * *

Ірина Вадимовна Ефименко – кандидат філологічних наук, старший научний співробітник відділу ономастики Інституту українського мови НАН України (Київ).